

A romantic couple embracing. The man is shirtless and muscular, with dark curly hair, leaning his head against the woman's. The woman has long dark hair and is looking directly at the camera with a slight smile. She is wearing a dark, possibly lace, top. The background is a soft, warm brown.

ЛИЛИ РОКС

18+

НАЕДИНЕ СОТЧИМОМ

Лили Рокс

Наедине с отчимом

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Рокс Л.

Наедине с отчимом / Л. Рокс — «ЛитРес: Самиздат», 2020

ISBN 978-5-532-97786-0

Я была беззаботной и веселой девчонкой, пока однажды не произошло событие, перевернувшее всю мою жизнь. Отчим лишил меня девственности, пока мамы не было дома. И вот моя жизнь разделилась надвое: как жить дальше? И как я могу рассказать об этом маме, когда она так сильно любит его? Ко всему прочему, я начинаю замечать за собой, что меня к нему тянет. Что со мной твориться? Как избавиться от наваждения? С каждым днем я все больше думаю о нем, и вот уже сама позволяю ему касаться моего тела...

ISBN 978-5-532-97786-0

© Рокс Л., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Роковой день	5
Первый раз с отчимом	8
Отчим идет в наступление	10
Очередная битва	13
Снова Он	16
Когда нет выхода	19
Навязчивые мысли	22
Происшествие в ванной	24
Случайная встреча	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Лили Рокс

Наедине с отчимом

Роковой день

День был солнечным с утра, что лишний раз подтверждало мои надежды на то, что именно сегодняшний день станет самым удачным в году. Еще во время рождественских гаданий зимой, когда мы с девочками загадывали, какой из дней в году будет самым лучшим, у меня выпало 28 мая. И не зря – сегодня последний учебный день в школе перед летними каникулами, настроение – отличное, и я готова прыгать до потолка, потому что через неделю поеду в город к бабушке.

Вот и настал тот день, когда я стала совершеннолетней... Это так волнительно! Словно недавно еще шла в первый класс, а уже скоро буду прощаться со школой.

Я проскользнула в туалет, пока в квартире была тишина, быстро умылась и почистила зубы, а потом на цыпочках пробежала в свою комнату, где в шкафу на плечиках висела моя школьная форма.

Конечно, в школу мы давно ходим в простой одежде, но сегодня у одиннадцатиклассников «последний звонок», поэтому мы с подругами решили тоже одеться в школьную форму, чтобы поддержать своих более старших подруг.

Школьную форму для меня с большим трудом достала бабушка и еще месяц назад передала мне из города. Я примерила ее и была поражена: если завязать мне бантики или заплести косички, я и впрямь становлюсь похожей на первоклашку. Я хихикнула от этой мысли и быстро надела сначала коричневое платье из плотной ткани, а сверху повязала белый фартук.

Когда я вышла из комнаты, на кухне уже слышались голоса, и все внутри меня опустилось. Я поняла, что сегодня мне не удастся сбежать из дома незамеченной. Я прошла на кухню, где мать ставила на плиту чайник, а за столом сидел отчим, резавший хлеб. Увидев меня, он выпучил глаза:

– Вот это да! Посмотри, мать, какая первоклашка к нам забежала!

Я ненавидела своего отчима за вечные подтрунивания надо мной. Все его шутки и подколы были направлены на то, чтобы указать на меня пальцем, а потом долго смеяться. Я не понимала его шуток, верней, для меня они были не смешными, а только лишний раз раздражали своей глупостью.

– Дочка, тебе так идет форма! – мама лучезарно улыбнулась, а я слегка улыбнулась ей в ответ. – Не зря бабушка так старалась ради тебя. Ты уже идешь в школу?

– Да, ребята собираются к десяти.

– Ты там поаккуратней, – снова встрял отчим, – Слишком уж юбчонка короткая, ляжки отморозишь. И снова несусветная чушь сорвалась с его губ. Я опустила глаза, машинально поправляя подол платья, натягивая его как можно ниже.

– Угомонись, Егор, на улице почти лето. Никакие ляжки она не отморозит, моя красавица! – мама снова мне улыбнулась. – Ты завтракать будешь?

Я покачала головой:

– Нет, спасибо, я не голодна.

Я соврала, на самом деле я безумно хотела съесть бутерброд с колбасой, который толстыми ломтями резал отчим, но мне вовсе не хотелось находиться с ним за одним столом несмотря на то, что рядом была мама.

– Худая как щепка ходишь, – посетовала мама, а отчим окинул меня оценивающим взглядом, от которого по телу пробежали мурашки. Я ненавидела его этот взгляд, когда он смотрел на меня недвусмысленно, как на какую-то продажную девку.

Я вышла из дома со слегка неприятным осадком на душе. Даже солнечная и теплая погода не помогла мне справиться с чувствами, которые я испытывала по отношению к отчиму.

Этот Егор появился у нас в доме около года назад. До этого моя мать никак не могла наладить личную жизнь, причем виной тому была не я. Я наоборот была рада, когда она обрела свое женское счастье.

В нашем поселке с мужчинами вообще напряженка, поэтому каждая женщина держится за своего мужика зубами и ногтями, буквально впиваясь ими в любую, кто посмеет позариться на ее богатство в виде толстого и неопрятного пьяницы-лентяя.

Конечно, не все мужики в деревне были именно такими, но большинство точно. И такими их сделали их собственные женщины, которые потакали всем их капризам, таща на себе груз домашних дел.

Егор приехал из соседнего села якобы обменяться опытом с местными трактористами. В соседнем поселке с урожаем который год было очень туго, поэтому председатель дал задачу своим работникам: поехать и разузнать, как происходит посадка и сбор урожая у соседей, почерпнуть чего-то новенького и свежего.

И тут приезжему трактористу подвернулась под руку моя мама, работавшая в том же колхозе кадровиком. Она и принимала Егора на временную работу, она же сразу и разузнала все про его личную жизнь.

С одной стороны, мою мать можно было понять: после того, как мой отец сбежал из села в город, едва узнав о беременности мной, моя мать была одна.

Она пыталась встречаться с местными мужчинами, пыталась наладить личную жизнь, но каждый раз обжигалась. А Егор, высокий, широкоплечий, с огромными ручищами и светлыми глазами, просто свел мою маму с ума. Он переехал к нам почти сразу, даже не вернувшись на прежнее место работы, чтобы передать полученную информацию.

Теперь каждое наше утро начиналось с его громогласной зарядки, он тягал тяжелые ведра с углем, качая мышцы. Я видела его пару раз без майки и приходила в ужас от обилия мышц на его теле. И я видела взгляд моей матери, которым она окидывала его обнаженное тело.

Я старалась не думать о том, что происходит в их комнате по ночам, но очень часто до меня доносились звуки их близости, заставляя меня краснеть и затыкать уши руками.

– Привет! – услышала я голос подружки Лильки. – Прикольный у тебя прикид!

Я засмеялась, разглядывая черное платье подружки, поверх которого был надет школьный фартук:

– У тебя тоже. Только почему платье?

– Потому что у меня бабка не живет в городе и не суетится для меня в поисках школьной формы.

Я пожала плечами. В толпе школьников, собравшихся возле крыльца школы, я пыталась разглядеть Антона. Он учился в девятом классе и безумно мне нравился. Разумеется, об этом никто не знал, кроме Лильки, которой я как-то проболталась, увидев Антона с девчонкой из младшего класса. Тогда я захлопала носом, чем вызвала подозрения подружки. Пришлось признаться.

И теперь я выглядывала в каждом парне со светлыми волосами его, своего любимчика. Он стоял в кругу друзей, болтал с ними и не обращал ни на кого внимания.

Линейка прошла быстро, после чего одиннадцатиклассники пошли в классы, а нас распустили на каникулы, дав указание не расслабляться, как можно больше читать и не заниматься ерундой.

Я с сожалением посмотрела на Антона, который выходил за ворота школы, судя по обрывкам их фраз, он собирался ехать на каникулы в Москву к своему старшему брату. Да и я скоро поеду к бабушке в город до конца лета, поэтому увидимся мы с ним не раньше осени.

– Может, в киношку сходим? – предложила Лиля.

– У меня денег нет, а потом будет охота еще и мороженого поесть.

– Ага, у меня тоже с деньгами напряг. Давай по домам, потрясем предков, а встретимся часиков в шесть вечера. Сеансы вечерние всегда интересные, и жары такой не будет.

Я кивнула, но не очень уверенно:

– Если меня отчим отпустит...

– Вот гад, он еще выпендриваться будет, – со злостью сказала Лиля, – Держит тебя в ежовых рукавицах, как будто возомнил себя твоим батей.

– А что делать, – я вздохнула, – Мать ему во всем потакает, вот пытается из него сделать моего папашу. Хотя у отчима это не очень хорошо получается.

Мы расстались с Лилей, договорившись встретиться в шесть возле дома культуры. Я побежала домой, надеясь встретить маму и выпросить у нее денег на кино и мороженное. Но дома ее не оказалось.

Егор сидел перед телевизором с банкой пива. Я знала, что у него сегодня выходной, но где была мама?

– Мать пошла на работу, там какой-то отчет надо сдать, председатель просил. Ты все, нагулялась?

Я прошла к себе в комнату мимо отчима, неопределенно мыкнув что-то ему в ответ. Он сидел на диване в одних трусах, щелкал семечки и пил пиво. Это было его обычное занятие в выходные дни.

Первый раз с отчимом

Находясь у себя в комнате, я распустила волосы и начала расчесывать их, чувствуя, как болят корни волос, которые были затянуты в косички. Я размышляла о своей будущей жизни, и о том, как страшно жить в неведении. Хорошо бы заглянуть в будущее и посмотреть, кем я стану, какую профессию выберу в итоге, будут ли у меня дети...

Жаль, что не изобрели пока такую машину, способную с вероятностью хотя бы 90 процентов предсказывать будущие события. Тогда бы и жить было проще.

А еще лучше, изобрели бы машину времени, чтобы можно было возвращаться в прошлое. Что бы я сделала тогда?

Наверное, предотвратила бы встречу моей матери с отчимом. Это был самый жуткий момент, перевернувший нашу размеренную жизнь. Мать думает, что она счастлива. Но я вижу его насквозь... Он лицемерный подонок, он только пользуется ею, но на самом деле – могу поклясться, что не любит ее.

Неожиданно дверь в мою комнату распахнулась, и на пороге я увидела лицо Егора.

– Стучаться не учили? – со злостью спросила я и попыталась закрыть дверь, но он подпер ее ногой.

– Не груби мне! – голос моего отчима звучал не очень уверенно, видимо, банка пива в его руке была далеко не первой.

– Закройте дверь, мне надо переодеться, – я снова попыталась толкнуть дверь, все еще не понимая намерений своего отчима.

– Переодевайся при мне, чего тебе стесняться. Я же тебе как отец!

Я чуть не задохнулась от возмущения:

– Еще чего! Выйдите из комнаты, вы мне мешаете.

– Хватит мне выкать, первоклашка, – ухмыльнулся Егор, и от него пахло запахом алкоголя, – Я тебе как батя, давай ко мне на «ты». И раздевайся, давай, мне надо посмотреть, как ты выросла, как развиваешься. Может, тебя врачу надо показать.

Хотела ему ответить, что ему самому надо показаться врачу, но промолчала. Так и стояла перед ним, и мой взгляд вдруг упал на выпирающий из трусов орган, который явно был увеличен. Я покраснела и быстро отвела глаза.

– Что ты там увидела, малышка? – спросил у меня отчим. – Видишь, что ты со мной сделала. Теперь это надо как-то исправить.

Я похолодела, понимая, на что он намекает. Егор вошел в мою комнату и закрыл за собой дверь. Я отошла от него, но уперлась ногами в край кровати. Одним движением руки он повалил меня на кровать и засмеялся:

– На тебе розовые трусики! Я часто вижу, как они сохнут в ванной. И часто нюхаю их.

Я поморщилась, услышав такое откровение от своего отчима. Он потянулся ко мне и в два счета стянул с меня трусы, хотя я дергала ногами и активно сопротивлялась. Сила его рук была такой, что стоило ему захотеть, и Егор сломал бы мне хребет в два счета. Мои трусики оказались у него в руках, а потом он приложил их к носу и сделал глубокий вдох, закрыв глаза.

– Ты пахнешь как конфетка, – проговорил он тихо и, открыв глаза, посмотрел на меня.

Я лежала на кровати, не шевелясь и все еще не веря во все происходящее. Мозг не успевал обрабатывать происходящее и я просто подвисала. Я искренне надеялась на то, что мой отчим просто прикалывается надо мной, проверяя меня, но надежд на это становилось все меньше с каждым его словом и действием.

– Сегодня, когда я увидел тебя в школьной форме, то чуть не сошел с ума. У меня стояк с утра, как только я вспоминаю твои голые ножки, между которыми находится твоя нежная розочка, твой бутончик. Видишь мой член? Он хочет сорвать твой бутончик.

Я покачала головой и, едва шевеля языком, проговорила:

– Что вы несете?

Мне кажется, я побледнела и покраснела одновременно, хотя теоретически, это невозможно. Мне показалось, что я ослышалась, но нет, мой отчим стоял и ухмылялся, продолжая нагло рассматривать меня. Я старалась не смотреть ниже пояса, потому что в этот момент он явно пытался демонстрировать свое мужское хозяйство, спрятанное за тонкой тканью трусов.

Спасибо еще, что не вытащил его наружу...

– Да, брось! Неужели, ты не хочешь меня?

– Нет, я не хочу.

– Смотри на него. Ты будешь смотреть на него и почувствуешь, что хочешь меня. – С этими словами Егор спустил с себя трусы и передо мной появился его стоящий член.

Я никогда в жизни не видела настоящего мужского органа вживую, тем более, в возбужденном состоянии. Он выглядел устрашающе. Огромная головка, из которой зияла темная дырка и текло что-то, похожее на молочный кисель.

Отросток, отходивший от этой «шляпки», был усеян темными венами и заканчивался там, где находились два мешка, покрытых волосами. Я была поражена: у такого огромного мужчины был поистине гигантский орган, и я с трудом представляла себе, что он будет с ним делать.

Егор сделал шаг ко мне, и его член уперся мне в лоб.

– Горячий, да? – спросил Егор. – Потрогай его.

Я не шевелилась, но чувствовала на лбу мокрое пятно от текущей из его дырки слизи и действительно ощущала жар, исходящий от мужского органа. Я сидела перед ним и молила бога, чтобы сейчас домой внезапно вернулась мама, и этот кошмар закончился, не успев начаться.

– Трогай его, говорю! – голос Егора звучал грубо, и я протянула руку и дотронулась до вен на его органе. Они пульсировали, и сам орган был похож на большой ствол дерева, таким твердым он мне показался.

Мой отчим снова приложил к лицу мои трусики и сделал глубокий вдох. Потом он отшвырнул их в сторону и, схватив меня за ноги, резко повалил на кровать, а сам навалился сверху.

Я пыталась закричать, но он зажал мне рот своей огромной ладонью. Я дергала ногами, пыталась царапать его ногтями, но он пришил меня к кровати просто намертво.

Раздвинув мои ноги, он юркнул туда рукой и коснулся там, где никто и никогда не трогал меня. Его пальцы грубо раздвинули мои половые губы, и проникли внутрь, разрывая все внутри меня.

Достав руку обратно, мой отчим плюнул на свои пальцы и снова погрузил их в меня. Все это время он держал меня обездвиженной, прижав своим мощным телом и удерживая ладонь на моем рту. Пальцы, перемазанные его слюной, снова оказались у меня между ног. Он принялся смазывать меня, а его член, из которого продолжала сочиться белесая жидкость, упирался в мой живот.

Отчим идет в наступление

Я отворачивала свое лицо, не в силах смотреть в лицо отчима, который не сводил с меня глаз, орудуя у меня между ног рукой. Потом он прислонился ко мне еще сильнее, и тут я почувствовала, как между моих ног вползает его инструмент, разрывая все внутри меня.

Находясь в полной диссоциации, я сперва не реагировала на его действия, пытаясь осознать, что же в конце концов происходит в моей комнате, а затем я заорала.

Меня словно внезапно разбудили и показали, в какой опасности я нахожусь. Я кричала так, словно меня пытались зарезать, но его ладонь, сжимающая мой рот, приглушала все звуки, вырывающиеся из меня. Я ощущала, как рвется каждая моя мышца внутри, я сопротивлялась его проникновению, но была настолько бессильна перед этим амбалом, что только тратила собственные силы на пустое сопротивление.

– Ты хорошая, ты моя девочка-школьница. Невредимочка моя, – бормотал Егор, пока его орудие погружалось в меня до конца. Наконец, он остановился, а потом сделал еще один резкий толчок. У меня потемнело в глаза от боли, разорвавшейся внизу живота. Я вздрогнула, едва не скинув мужчину с себя, но он был слишком тяжелым, чтобы у меня это получилось с первого раза.

Теперь Егор начал медленно двигаться во мне, все также удерживая пропахшую семечками ладонь на моем лице, а другой рукой приподнимая меня за спину, чтобы поглубже засунуть в меня свой орган.

Он двигался назад и вперед, набирая скорость, мне было уже не так больно, но было ужасно противно чувствовать его в себе. Его мерзкий орган работал во мне как насос, вонзаясь глубоко и, в следующую секунду, высовываясь обратно. Я чувствовала ободок его головки, касавшейся меня снаружи, а потом она снова погружалась внутрь меня. Казалось, это нескончаемый процесс, который теперь будет длиться вечно!

И я уже даже не шевелилась, просто лежала, отвернув голову и слыша частое дыхание своего насильника, который двигался во мне, все набирая и набирая скорость. Его руки дрожали от напряжения, я видела капли пота, стекавшие по его мышцам. И, чтобы не видеть этого, я просто закрыла глаза.

Не знаю, сколько продолжались его движения, сколько раз он называл меня ласковыми словами, от которых меня выворачивало, но наконец Егор отшатнулся от меня, и на мои бедра начала капать теплая жидкость.

Он стонал, часто дыша через нос, как будто был каким-то животным, долго нагонявшим свою жертву, а затем растерзавшим ее, и готовящимся приступить к трапезе. Я повернула голову и с ужасом увидела, как из головки его органа, которая расширилась, вылетала белая слизь, капающая на мои голые ноги. Внутри меня все горело от боли и пульсировало в такт биению моего сердца.

Егор потряс свой член, а потом встал с кровати и посмотрел на меня. Я не сводила глаз с его падающего мужского достоинства, из которого все еще капала сперма, но я была рада тому, что все, наконец, закончилось. Я натянула на себя покрывало, которым была накрыта кровать, и с ненавистью посмотрела в лицо мужчины:

– Скотина! Я все расскажу маме и заявлю на тебя в полицию!

Егор сверкнул глазами и сжал зубы. Его член трясся от его движений, что выглядело одновременно смешно и устрашающе.

– Только попробуй. Я скажу, что ты сама отдалась мне. Не забудь, что тебе уже есть восемнадцать, так что срок мне не грозит. А вот твоей мамаше грозит несладкая жизнь, если ты хоть слово вякнешь ей или в полицию.

Я сглотнула, ощущая ужас, расплзавшийся внутри меня и парализующий каждый мой внутренний орган.

– Ты не посмеешь, – почти беззвучно произнесла я, глядя в уверенное лицо Егора.

– Это ты не посмеешь. Хочешь, чтобы твоя мамашка жила счастливо, держи свой рот на замке. А если не будешь этого делать, я устрою вам райскую жизнь.

Он показал мне кулак, а потом потянулся за своими грязными трусами.

– Иди подмойся, – сказал он мне, – Вымой свое срамное место. Теперь я буду пользоваться им, когда пожелаю.

Я показала ему средний палец, но тут же пожалела об этом. Подлтевший в доли секунды ко мне, Егор схватил меня за волосы и дыхнул в лицо перегаром:

– И палец тебе сломаю, если будешь так себя вести. Запомнила, школьница-развратница?

Мне было так больно, что казалось, что Егор вот-вот стянет с меня скальп. Я закивала, ощущая свои брови где-то в районе края лба, настолько сильно Егор натянул мои волосы на свою руку.

Потом он прикоснулся к моим губам своими, всунул в мой рот язык и настойчиво вылизал всю меня изнутри. На моих губах остался привкус его слюны поэтому, когда он вышел из моей комнаты, я резко вытерла свой рот краем покрывала.

Я была в душе, когда домой пришла мать. Я испуганно вспомнила о том, что в моей комнате был жуткий беспорядок, а на кровати осталось кровавое пятно от потерянной мной девственности. Я быстро выскочила из ванной, закутываясь в полотенце и пролетела мимо кухни, в которой сидели Егор и моя мать, чтобы вбежать в комнату и накрыть покрывалом свою срамную простынь.

За мной никто не шел поэтому отдышавшись, я переоделась в домашнюю одежду, запахнула халат и вышла на кухню, где моя мать сидела на коленях у Егора и весело смеялась.

Егор посмотрел на меня хозяйским взглядом, а я проглотила его взглядом, полным ненависти.

– Дочка, будешь есть? – спросила мама, отлипая от своего возлюбленного.

– Буду, – ответила я, присаживаясь на стул напротив отчима. Я тут же почувствовала его руку на своем колене, он нагло его лапал, пользуясь тем, что на столе была расстелена скатерть, из-под которой ничего не было видно.

Мама что-то продолжала говорить про работу, про начальника, а я пыталась с силой отлепить от своего колена огромные пальцы Егора. Но он смотрел на меня с усмешкой, а потом сдвинул руку ближе к моей промежности. Я громко ойкнула, заставив его мигом убрать руку.

– Ты чего? – мать испуганно повернулась ко мне.

– В спине что-то щелкнуло, – соврала я и многозначительно посмотрела на отчима, который ухмылялся сальной улыбкой.

– Это потому что ты таскала декорации перед «последним звонком», – с укоризной сказала моя мама, – Что у тебя, что у меня – спина слабая. У меня тоже такое бывает. Егор, сделаешь мне массаж?

– Конечно, – с готовностью отозвался отчим, подмигивая мне, – И тебе сделаю, и дочке нашей.

– Мне не надо! – грубо ответила я и принялась есть борщ, поставленный передо мной матерью.

Я ела, чувствуя на себе настойчивый взгляд Егора. Он пожирал меня глазами, параллельно с этим пожирая борщ из тарелки, как будто свинья.

Он причмокивал, всасывал жидкость, а потом громко чавкал, стараясь, видимо, привлечь к себе внимание. Мать не обращала на него внимания, а я ощущала раздражение и желание вылить ему на голову кастрюлю кипящего борща.

Когда я оказалась у себя в комнате, я быстро выкинула в ведро банку пива, которую принес с собой Егор, сдернула простынь и отнесла ее в корзину с грязным бельем, а потом упала на свежезаправленную кровать.

Лильке, которая позвонила мне, чтобы напомнить про встречу, я соврала, что у меня заболел живот, поэтому я останусь дома. В моих словах частично была и правда: низ живота ныл от жесткого с ним обращения, а на трусиках в ванной я снова обнаружила кровь. Проклиная своего отчима, я сменила нижнее белье и снова упала в кровать.

28 мая – это день должен был быть счастливым для меня. Но он стал одним из самых худших дней в моей жизни. Я ненавидела себя за глупость, ненавидела отчима за то, что он сделал со мной, даже мать родную ненавидела за то, что она привела этого человека в наш дом. Рукой я коснулась низа живота, где все пульсировало от боли, и подумала о том, что, когда боль утихнет, внутри меня все равно останется та грязь, которую занес в меня своим поступком Егор.

Прикрыв глаза и проваливаясь в сон, я услышала за стеной стоны матери и стук спинки кровати о стену. Егор занимался сексом с моей матерью, которая даже не догадывалась о том, что еще сегодня днем этот человек трахнул меня, трахнул грубо и против моей воли.

И сейчас мне казалось, что, даже узнай мать об этом, она не встала бы на защиту меня, а скорей, обозвала бы меня провокаторшей, защищая мужика с большими яйцами, за которым она чувствовала себя как за каменной стеной. Я так хотела уже уехать к бабушке до конца лета, чтобы забыть этот ад, творившийся со мной сегодня в этой комнате, на этой самой постели.

Очередная битва

С утра я проснулась от громогласных криков Егора: он делал свою разминку, будя всех своими рыками. Я вышла из своей спальни и столкнулась с ним лицом к лицу – он делал свою зарядку, стоя посреди зала и поглядывая в сторону моей комнаты. Он перегородил мне путь, играя мышцами, по которым струился пот.

– Дайте мне пройти, – спокойно сказала я, пытаюсь обойти его хоть с какой-нибудь стороны.

– Мы же вчера договорились перейти на «ты», – негромко сказал он, чтобы мать на кухне не слышала его слов, – Когда ты ножки раздвинула, и ты мне обещала.

– Я вам ничего не обещала, уши чистите вместо того, чтобы мышцы качать, – грубо отозвалась я и показала ему язык.

Вместо ответа Егор высунул изо рта свой длинный язык и поводил им из стороны в сторону:

– Также я буду в твоей писечке работать, – шепнул он, а я показала ему средний палец. Сейчас мне не было страшно делать это, ведь мать была рядом.

– Сломаю тебе его нахрен, – со злостью буркнул Егор, давая мне пройти, потому что мать вышла из кухни и улыбнулась мне:

– Ладочка, ты встала уже? Иди завтракать, пока мы на работу не ушли.

Я умылась и прошла на кухню, где мать, счастливо улыбаясь, наливала в чашку Егору кофе. Она светила, моя мать была так счастлива рядом с этим монстром, что мой язык не повернется сказать ей правду о нем, даже если я очень сильно этого захочу.

– Бери бутерброд, я сам готовил, – сказал мне отчим, и я нехотя потянулась к куску хлеба с колбасой, – Своими руками.

Я посмотрела на него со злостью, вспоминая о том, что вчера он делал со мной своими руками, которыми сегодня нарезал хлеб с колбасой к завтраку.

– Спасибо, – буркнула я, откусывая от бутерброда и кладя его на тарелку, – Невкусно.

Мать посмотрела на меня с удивлением, а потом коснулась рукой моего лба: так было всегда, когда у меня не было аппетита, а она сразу же подозревала, что я заболела.

– Мам, все в порядке, – я ласково отодвинула руку матери, – Просто бутерброд и вправду невкусный.

Я столкнулась с недовольным взглядом Егора и слегка улыбнулась ему. Пусть знает, что я не собираюсь плясать под его дудку, делая вид, что уважаю и люблю этого уродца.

– Я хочу сегодня переночевать у Лили, – сказала я матери.

– Хорошо, – отозвалась мать, которая спокойная относилась к моим ночевкам у подруги.

– Нет, – вдруг сказал Егор, и мы с матерью посмотрели на него с недоумением.

– Я сказал, что нет, – повторил он, – У Лили есть старший брат, неизвестно, чем занимается вся их компания у Лили дома.

– Это приличные люди, – мать вступилась за мою подругу, а я с презрением уставилась на Егора. Этот урод не смел запрещать мне то, к чему я привыкла только потому, что возомнил себя моим хозяином.

– Да, в отличие от других, моя подруга и ее семья – приличные люди, – подтвердила я, но мне хотелось позлить недовольного отчима, – А я ее брат – вообще золотой парень.

Лицо Егора покрылось пятнами, и я заметила, как он сжал кулаки. Этот урод ревновал меня, и от этого я испытывала внутри чувство превосходства над ним. Я придумала отличный способ манипулировать им.

– Да, Витя – хороший парень, – подтвердила моя мать и тут же вздрогнула от грохота кулака, опустившегося на стол, от которого на нем подскочили чашки. Егор был настолько недоволен, что едва скрывал свои чувства.

– Если мужик сказал «нет», значит бабы, которые живут с ним и уважают его, должны подчиняться ему, – его голос звучал низко и устрашающе. Мать испуганно посмотрела на него и положила свою руку на его сжатый кулак.

– А если они не уважают его? – спросила я и тут же столкнулась с умоляющим взглядом матери, которая мысленно просила меня не раздувать скандал. Но поведение Егора насколько бесило меня, а внутри меня все еще все болело от его насильственных действий, так, что пелена ненависти просто повисла перед моими глазами, закрыв их на чувства собственной матери.

– А, если не уважают, – скрипя зубами, сказал Егор, – Значит, мужик будет перевоспитывать их, ремнем или веником. По голой заднице.

Я стиснула зубы, представляя себе, с каким удовольствием взялся бы отчим за мое перевоспитание. Его нога под столом наступила на мою ногу, больно вдавив ее в пол, отчего я почувствовала жуткую боль, которой не могла противостоять. Но мне так хотелось дать отпор этому уроду, несмотря на боль и унижения, которыми он исподтишка пытался меня мучить.

– Ты никуда не пойдешь, ни с какой ночевкой! – громогласно сказал Егор, и я кивнула. В этот раз пришлось сдаться, и моя мать вздохнула с облегчением.

Егор теперь выглядел важно и напыщенно, как индюк, прогуливавшийся по своему индюшатнику. Я смотрела на его довольное лицо, потом посмотрела на уже успокоившуюся мать, после чего встала из-за стола.

– Ты куда? – сразу последовал вопрос Егора.

– Гулять, – ответила я, – У меня, если что, каникулы.

Я посмотрела в обеспокоенное лицо Егора, он явно не хотел отпускать меня от себя ни на шаг.

– Егор, милый, девочка весь год училась, чтобы сейчас отдыхать, – ласково сказала ему мать, – Пусть гуляет с девочками.

– И с мальчиками, – добавила я, и мои слова стали словно полетевшими брызгами масла в едва разгоравшийся огонь.

Я заметила, как Егор снова сжал кулаки. Да, если он не перестанет так себя вести, мать догадается обо всем. Неужели он ничего не боится? Или он настолько сильно повернут на мне?

Когда я выходила на улицу, мать с Егором вышли из квартиры на работу одновременно со мной. Я побежала вниз, а меня догнал Егор, воспользовавшись моментом, пока мама закрывала входную дверь.

Он ущипнул меня за ягодицу, а потом еще шлепнул по ней:

– Никаких глупостей, девочка моя!

– Я не ваша девочка! – я со злостью посмотрела на него. – Не боитесь, что мать услышит?

– Нет, я ничего не боюсь. А вот ты бойся: один твой косяк, и я накажу и тебя, и твою мамашку.

Я не успела ничего ответить, потому что в этот момент мама спустилась вниз. Она взяла Егора под руку, и они направились на работу. Я же осталась стоять возле входа в подъезд, чувствуя, как зудит место щипка.

Я встретила с Лилькой, и мы пошли прогуляться по поселку. Но мысли мои были далеко, поэтому подружка быстро заскучала в моем обществе.

– Лада, чего ты все молчишь, да молчишь? Как будто не договариваешь чего-то.

Я пожала плечами. Несмотря на то, что Лиля была моей самой близкой подругой, рассказывать ей правду про свои отношения с отчимом я не собиралась. И так слишком много всего произошло.

– Я к бабушке хочу уже уехать, – призналась я Лиле, и это была чистая правда. Я хотела уехать из этого места, чтобы хотя бы на время забыть обо всем, что происходит в моей жизни.

– Так скоро уедешь, я вообще тут одна останусь, – жалобно сказала Лиля.

Я снова пожала плечами, понимая, что именно побег к бабушке сможет спасти меня от депрессии, которая накатывала на меня все с большей и большей силой. Масла в огонь подлила и Лиля:

– А я сегодня Антона видела. Он по магазинам с маман ходил, закупы делали. Он ведь к брату скоро едет. Так что до конца лета ты с ним не увидишься.

– Спасибо, что напомнила, – огрызнулась я, реагируя на издевку Лильки. Ей будто доставляло удовольствие периодически колоть меня своими язвительными иголками.

Так и не придумав общего дела, мы разбрелись по домам, и я закрылась в своей комнате, надеясь, что Егор вернется с работы не раньше матери. Мне хотелось подумать, осмыслить все, что произошло со мной и понять, кем я стала после близости с отчимом. Стала ли я настоящей женщиной или просто побыла несколько минут игрушкой в его огромных руках.

Я коснулась низа живота, где еще все побаливало, напоминая о том, что произошло на этой постели некоторое время назад. Внутри меня все ныло, пульсировало и не давало мне никакого покоя. На глазах сразу появились слезы, стоило мне вспомнить о собственной беспомощности и о том, что грозит моей маме в случае, если я отважусь кому-нибудь что-либо рассказать.

Снова Он

Сама не заметила, как задремала, а потом вздрогнула от грохота входной двери. Я подскочила на кровати, ощущая себя жертвой. И я реально в этот момент была маленьким загнанным зверьком, который метался по клетке, ища выход, но этого выхода нигде не было. Затем услышала шаги, это была тяжелая поступь моего отчима. Я притихла, стараясь даже не дышать.

Он ходил по квартире несколько минут, то удаляясь в сторону кухни, то проходя в их с матерью комнату, а потом снова возвращаясь в зал, из которого с легкостью можно было попасть в мою комнату.

Я чуть не вскрикнула, когда увидела, как опустилась ручка на моей двери: Егор пытался войти в мою комнату, но я заперлась изнутри.

– Ты там? – он говорил негромко, но я отчетливо слышала каждое его слово. Я молчала, едва дыша и прижимая к груди телефон. Мне хотелось набрать номер матери и попросить ее вызвать к нам участкового, а потом и вовсе признаться во всем.

Дверь снова заходила ходуном, я представляла себе, как Егор наваливается на нее всей тяжестью своего тела.

– Открой, хватит прятаться! – его голос повысился, и я поняла, что снова оказалась в ловушке.

На часах было пять часов, а мама приходила с работы не раньше семи. Значит, он все продумал заранее и явился в дом, когда до прихода матери оставалось минимум два часа. Да, я однозначно оказалась в ловушке.

Я встала с кровати и подошла к двери, которая вибрировала, стоило мне коснуться ее руками. Голос Егора звучал тихо и почти с мольбой:

– Лада, детка. Открой мне дверь, я не сделаю тебе больно. Больше не будет больно.

Я молчала, кусая свой правый кулак. И тут в дверь раздались удары, заставившие меня вскрикнуть от страха.

– Открой эту гребанную дверь, иначе я выломаю ее, а потом проломлю твою голову. Открой, умоляю, детка. Я убью тебя, я сделаю так, что ты не сможешь говорить, потому что я разорву твой рот своим прибором. Милая, ну давай же, хватит ломаться.

Голос Егора менялся каждую секунду: то я слышала в нем мольбу и просьбу, то угрозу и злостный приказ, требующий немедленного подчинения. Во мне все пылало от страха, причем страха не только за себя, но и за свою мать, которая может быть впутана в этой грязный клубок похоти, связывавший теперь меня и Егора.

Дверь продолжала шевелиться за моей спиной, а по моим щекам текли слезы. Я подняла голову вверх и обратилась к Богу, к которому редко обращалась с просьбами. Я молила его о том, чтобы Егор устал, ему надоело это, он бы понял, наконец, что я не выйду и не открою ему дверь. Я молилась шепотом, чувствуя, как слезы с моих щек поползли вниз по шее и затекают в разрез моей футболки.

Снова чудовищный грохот в мою дверь, и я больше не смогла выстоять и сопротивляться. Он сломил меня. Я открыла дверь и увидела перекошенное от злости и отчаяния лицо.

Приблизившись ко мне, Егор резко потянул меня за руки, а потом прижал к себе. Я слышала, как колотится его сердце, он часто дышал, а потом начал покрывать мое мокрое от слез лицо поцелуями. Я пыталась отстраниться, мне был противен этот человек, но его сила в тысячу раз превосходила мою. Он тянул меня к себе, он вдавливал меня в себя, как будто пытался растворить меня в себе, как таблетку в стакане воды.

– Почему ты сопротивляешься? – спросил он у меня, встав передо мной на колени и заглядывая в мои глаза. – Тебе надо просто распробовать то, что тебе понравится обязательно.

Я научу тебя таким вещам, о существовании которых ты не подозревала. Я буду любить тебя так, как никто и никогда не любил и не полюбит тебя.

– Я не хочу, – тихо сказала я, глядя в его лицо сверху вниз. Его глаза сузились, но ровно на сотую долю секунды.

– Ты захочешь, просто поддайся мне.

– Я ненавижу тебя, – повторила я свою фразу, словно заклинание, – Я всегда буду ненавидеть тебя за то, что ты сделал со мной.

Егор медленно поднялся с колен. Теперь он возвышался надо мной словно огромная скала, которую не под силу сдвинуть никому, разве что Господу Богу.

И я снова мысленно взмолилась о том, чтобы это все закончилось. Прямо сейчас. Ненавижу этого человека. Эта мысль сверлила меня, как сверлят не податливую стену, старательно погружая в нее сверло. Мне было больно, но я представила себя стеной, которая выстоит, обязательно выстоит эту непростую пытку.

– Ты полюбишь меня, будешь умолять меня о том, чтобы я любил тебя, – уверенно сказал Егор, и мне стало смешно. Я рассмеялась, чувствуя, как истерика нагнетается во мне, погружая в глубокий приступ нездорового смеха.

– Я никогда не полюблю такую мразь, как ты! – выкрикнула я ему в лицо и плюнула, попав прямо в глаз. От этого мне стало еще смешнее, но мой истерический смех был прерван, когда рука Егора сжала мое горло. Он приблизил мое лицо к своему, а я чувствовала себя в его руках, как цыпленок, которому вот-вот свернут шею.

– Как я сказал, так и будет, ты поняла меня? – прошипел он и после этого набрал побольше слюны и со всей силы плюнул в мое лицо.

Его слюна больно ударила меня в лоб, а потом начала медленно стекать вниз, задерживаясь на волосках моих бровей. При этом Егор продолжал удерживать мою шею сжатой, и мой рот непроизвольно начал открываться, хватая воздух.

Я вцепилась руками в его огромную ручищу, но мои прикосновения были больше похожи на царапанье маленького котенка. Слюна Егора текла по моим вискам и уже достигла щек, когда он резко отпустил меня и оттолкнул, а я упала на свою кровать, хватая ртом воздух и руками держась за шею.

– Какой ты гад! – едва смогла сказать я, но Егор уже не слышал меня. Он стянул с себя ремень и взмахнул им в воздухе.

– Снимай свои трусы и разворачивайся задом. Я буду наказывать тебя. Ты получишь за все, сучка!

Я вытянула руку, сжала кулак и медленно вытащила из него средний палец, который направила в лицо Егора. Он взмахнул ремнем, и он с резким звуком взметнулся в воздухе.

– Мать узнает про ремень, она убьет тебя! – выкрикнула я, продолжая показывать Егору средний палец на вытянутой дрожащей руке.

– Твоя мать – тряпка, а я воспитываю тебя так, как считаю нужным. Она ни слова не скажет против моих эффективных методов твоего воспитания. А потом она отсосет мой хрен, и я буду долго трахать ее на постели за твоей стенкой. А ты будешь все слышать и мечтать оказаться на ее месте.

– Я буду мечтать о том, чтобы ты сдох, мразь! – крикнула я, и увидела, как Егор резко приблизился ко мне. Он навалился на меня сверху, стянул с меня шорты, а потом и трусики. Он сдал мои ягодицы, а потом опустил свое лицо и укусил меня. Я закричала и принялась сопротивляться, все еще надеясь на то, что смогу выстоять в этой борьбе.

А потом я почувствовала удар. Он хлестал меня ремнем изо всех сил, а я вздрагивала от каждого удара, охая и умоляя остановиться.

Когда удары прекратились, я медленно перевернулась на спину, чувствуя, как горит мой зад от болезненных ударов ремнем. Егор дрожащими руками расстегивал ширинку, а потом достал свой огромный орган и принялся его дергать.

Он смотрел на меня, постанывал и дробил свой член, который вырастал на моих глазах. Я с ужасом смотрела на него, видя, как из дырочки в его органе показались капли прозрачной жидкости. Егор смотрел на меня, его лицо покраснело, а тело сотрясалось в такт движениям его правой руки.

– Ты будешь меня любить, будешь давать мне. Ты будешь умолять меня взять тебя! – он повторял это, а сам продолжал мастурбировать свой член, под которым сотрясались огромные, налитые семенем, яйца.

Он приблизился ко мне и направил на меня свой орган. В мое лицо полетели струи спермы, которые попадали мне на волосы, на грудь, на губы. Я сидела молча, пока поток его спермы не иссяк. Тело Егора еще некоторое время содрогалось, но его член стал уменьшаться, а головка спряталась внутрь и закрылась тонкой кожицей.

– Если ты еще раз посмеешь плюнуть в меня, показать мне средний палец или проявить другие признаки неуважения, – громко и внятно произнес мой отчим, а его член при этом сотрясался от его важного выступления, – Я скажу твоей матери о том, что ты предложила мне себя. Я сделаю все, чтобы твоя мать страдала, не зная, что делать и кого выбрать. И я уверен, что сейчас она встанет на мою сторону. А ты останешься и без матери, и без меня. Ты останешься в дерьме, из которого не выберешься никогда.

Я смотрела на Егора, не мигая, чувствуя мерзкий запах его спермы, которой было облито мое лицо. Я на своих собственных глазах превращалась в его игрушку, в предмет, которым он будет пользоваться всякий раз, когда захочет. И всегда в его руках будет козырь – моя мать, которая станет безмолвной преградой на моем пути к спасению.

– Ненавижу тебя, – зачем-то сказала я, понимая, что Егору уже все равно. Он не воспринимал мои слова всерьез, а уже продумывал, как воспользуется моей беспомощностью в следующий раз.

Он засунул свой вонючий отросток в трусы, потом застегнул ширинку, поднял с пола ремень, которым лупасил меня несколько минут назад прежде, чем обкончать меня с головы до ног. Он аккуратно продел его в петли своих джинсов, а потом подмигнул мне:

– Иди разогрей мне пожар. Только рожу умой перед тем, как трогать мою еду.

Когда нет выхода

В ванной я остановилась напротив зеркала и посмотрела в свое отражение. Гадкое, заплеванное лицо, по которому вдобавок лениво стекала сперма. Я ненавидела сама себя, но еще я понимала, что ничем и никак не смогу изменить ситуацию. Только смириться. Или убить Егора. Как мне хотелось взять нож и воткнуть его в его грудную клетку, слушая, как хрустят его кости, а потом долго смотреть, как он истекает кровью и издает последний вдох!

– Я жду! – услышала я громогласный голос Егора, от которого вздрогнула.

Внезапно я осознала, что боюсь его. Хотя я и пытаюсь сопротивляться, делая все возможное, чтобы разозлить его или доказать свою уверенность в себе, но на самом-то деле, я до чертиков боюсь этого человека! До дрожи в ногах и руках. Как только вижу, что надвигается его фигура, все во мне сжимается от ужаса и плохого предчувствия. Даже до того дня, когда он впервые надругался надо мной, я все равно всегда относилась к этому человеку с огромной опаской.

Не понимаю, что мать нашла в нем? Пожалуй, мне он сразу не понравился, как только я его увидела. Врагу не пожелаешь такого “папу”.

Я умыла лицо холодной водой и вспомнила тот день, когда мама впервые привела его в дом. Я увидела на пороге огромную мужскую фигуру, лицо, покрытое щетиной, всклокоченные волосы и гигантского размера руки.

Тогда у меня возникло ощущение, что этому человеку будет тесно в нашей скромной трешке со смежными комнатами, но он отлично вписался, а еще он так запудрил мозги моей матери, что теперь любое мое слово против него будет восприниматься против меня же самой.

Я вышла из ванной и посмотрела на Егора, сидевшего за кухонным столом, положив на него свои ручищи. От одного вида его мускул, выпиравших из-под рукавов короткой футболки, мне стало не по себе. Он смотрел на меня, смеясь, как будто я была какой-то куклой, с которой он мог играть, когда того пожелает или заставлять ее исполнять свои самые омерзительные желания.

– Что там есть пожрать? – спросил он, а я вдруг подумала о том, что с мамой он так не разговаривает. С ней он более ласков, потому что у нее есть авторитет. А у меня его нет, у меня есть только слабые попытки противостояния, легко предупреждаемые его физической силой.

Я открыла холодильник и достала кастрюлю с супом. Поставив ее на плиту, я присела напротив Егора за стол и посмотрела в его лицо. Я молчала, не зная, как вести себя и что вообще говорить.

Егор тоже молчал и, усмехаясь, смотрел в мое лицо. В его взгляде читалось откровенное превосходство, которое он не пытался прятать ни на секунду. Он издевался надо мной и будет продолжать делать это постоянно. Мне стало грустно, и снова холодок страха пробежал по моей спине. Как перестать его бояться? Наверное, только убив этот страх в себе... А может, убив сам источник страха?

От этой мысли по телу пробежал холодок. Боже, о чем я думаю? Это же... Нельзя думать об этом! Всегда есть другой выход!

Я услышала шум в прихожей: с работы вернулась мама. Она устало разулась и прошла на кухню. Тут стояла идиллия: суп закипал на плите, а мы с Егором сидели и молча смотрели то друг на друга, то на нее.

– Как я устала! – сказала она и присела на стул рядом с моим отчимом. Тот протянул свою огромную руку и обнял маму так, что вены на его бицепсе надулись еще больше.

– Надо в отпуск, срочно! – строго сказал Егор. – Поедем с тобой в Сочи или в Анапу, там море, песок. И Ладу с собой возьмем.

Я испуганно посмотрела на мать – на лето у меня были совершенно другие планы.

– Вообще-то, я к бабушке уезжаю через неделю, – ответила я, а моя мать прикрыла глаза, словно убаюкиваемая объятиями своего мужа.

– Мы подумаем насчет твоей поездки к бабушке, – сказал Егор.

– Я поеду! – чуть ли не закричала я, отчего мама поморщилась и открыла глаза.

– Поедешь, куда ты денешься, – мама приподнялась и сняла с плиты кипящий суп.

Егор смотрел на меня с неодобрением, даже со злостью. Я же тоже смотрела в упор на него, не сводя глаз. Между нами снова установился молчаливый зрительный конфликт, в котором окончательное решение все равно будет выносить моя мама.

– Саша, я против того, чтобы ехать в отпуск без ребенка, – многозначительно глядя на меня, сказал Егор, обращаясь к матери, – Ей обязательно нужно солнце и море.

– Мне хватит солнца и в городе у бабули, – тут же отозвалась я, – И речка там есть. На море я не хочу. Мама, скажи ему, что я не поеду с вами, а все лето буду у бабушки.

Мать обернулась и посмотрела на нас обоих с осуждением:

– Ребята, я безумно устала, у меня был тяжелый день, а тут вы со своими спорами. Я устала от ваших вечных перепалок, просто помолчите хотя бы один вечер, от ваших криков у меня раскалывается голова.

Егор тут же подскочил и обнял мою мать, встав сзади. Его руки скользнули по ее животу, потом поднялись к груди. Я смотрела на их романтические поглаживания, стиснув зубы, потому что понимала, что от какого-то мерзкого типа теперь зависит и то, как я буду проводить собственные каникулы. А ехать с ним на море, даже если там будет мама, я не хочу. И не поеду!

Я встала из-за стола и ушла к себе в комнату. Мне было противно от того, что Егор своими мужскими хитростями переманивает мою, ни о чем не подозревающую, мать на свою сторону, убеждая в правоте своих рассуждений. А моя мама, которая раньше всегда стояла на моей стороне, начинает просто прогибаться под этим моральным уродом. Как мне хотелось собрать вещи и уйти из этого дома, чтобы не видеть этого цирка и, уж тем более, не участвовать в нем.

Услышав легкий стук в дверь, я напряглась. Но потом поняла, что это была мама и сразу же расслабилась. Пронесло. В этот раз...

Она приоткрыла дверь и заглянула ко мне:

– Поговорим?

Я кивнула, все еще не отошедшая от спора с Егором. Мама присела на край моей кровати и посмотрела на меня. Она ни сном ни духом не ведала о том, что творилось в этой комнате всего за час до ее возвращения с работы.

– Мама, я хочу уехать к бабушке раньше, чем через неделю, – сказала я матери, умоляюще глядя в ее глаза, – и не хочу возвращаться до конца лета.

Мама посмотрела на меня с подозрением:

– Что случилось? Это из-за Егора?

Мне хотелось крикнуть в лицо матери «Да!», но я не могла открыть рот и сказать ей, что он сделал со мной и продолжал делать на протяжении всего последнего времени.

Я была измотана, я так устала от собственного страха, а еще я очень переживала и боялась за свою мать. Мы обе были с ней пленницами Егора, и никто не мог нам помочь. Да и хотелось бы моей матери принимать помощь, направленную против ее единственного и самого любимого мужчины?

– Мама, я просто устала. Он достает меня по пустякам, придирается ко мне и сально шутит. Он мне не старший брат и не отец, чтобы так себя вести по отношению ко мне. Он вообще мне не родственник, а навязанный тобой сосед по квартире.

Мать покачала головой, но в ее лице я не увидела поддержки:

– Он просто не умеет быть отцом, а ты уже очень взрослая для того, чтобы на тебе тренироваться. У тебя еще переходный возраст, это гормоны, смены настроения, мне очень тяжело с вами обоими.

Я схватила мать за руки:

– Разреши мне уехать завтра, я прошу тебя!

– Хорошо, но бабушку надо предупредить! Она ждет тебя не раньше пятого числа, возможно, мы нарушим ее планы.

– Мама, она всегда рада мне, в любое время. Прошу тебя – просто разреши.

Мать взяла мои руки в свои и поцеловала их.

– Я очень тебя люблю, и очень переживаю за тебя. И Егора я тоже люблю, а конфликты между вами – словно нож в моем сердце. Пойми меня! Хотя... как ты поймешь, ты еще никого не любила по-настоящему.

Я не могла больше слушать эти оды в адрес Егора. Она даже не представляла, какой он на самом деле. Он в глазах матери оставался невинным ангелом, попавшим в трудную ситуацию, при которой надо мириться с неуравновешенной из-за гормональных всплесков дочерью своей жены.

Как же сделать так, чтобы мать сама поняла, что этот ублюдок не стоит ни единого доброго слова в свой адрес? Я была в отчаянии.

– Так ты меняпустишь? Хотя бы послезавтра, но не через неделю, умоляю! Это так долго!

Мама кивнула:

– Хорошо, завтра позвоню бабушке и предупрежу, чтобы приедешь раньше. Потом уже возьму тебе билет на автобус.

– Мамочка, спасибо! – я бросилась обнимать маму, радуясь ее пониманию и тому, что она разрешила мне слиться из этого ада раньше. И я надеюсь, что до конца лета.

Утром я снова столкнулась в зале с Егором, качавшим мышцы. Он снова перегородил мне дорогу и процедил:

– Ну ты и дрянь! Уговорила-таки мать отправить тебя пораньше. Ну ничего, все равно будет так, как хочу я, а не так, как того желаешь ты.

Он замолчал, оглядывая меня с ног до головы и часто дыша, а потом продолжил:

– Ты не с тем связалась, детка. Если я решил, что все будет по-моему, значит, именно так и будет. Хоть наизнанку выворачивайся!

– Да пошел ты, – тихо сказала я и прошла мимо Егора, не глядя на него и сохраняя на лице холодное выражение, что давалось мне с большим трудом.

Навязчивые мысли

До самого вечера я гуляла с Лилей, стараясь задержаться допоздна, чтобы прийти домой, когда там уже была мама. Мой план сработал, и, вернувшись, я увидела разъяренное лицо Егора, который сидел перед телевизором с банкой пива.

– Мама, я могу собрать сумку? – спросила я надеждой в голосе.

А потом я увидела слезы на лице матери. Она молча кивнула и смахнула с лица слезу, которую я успела отлично заметить.

– Мама, что случилось? – я прикрыла дверь на кухню и отвела мать в сторону.

Она покачала головой:

– Егор... Он так противится твоему отъезду. Говорит, что я дерьмовая мать, раз позволяю тебе вить из себя веревки. Говорит, что я – слабачка, идущая у тебя на поводу.

Я почувствовала, как кровь отхлынула от моего лица:

– Неужели ты сама в это веришь?

Мама покачала головой, не очень, впрочем, уверенно. Я села на стул и схватилась руками за голову. Боже, что же происходит со мной? Как мне поступить? Что делать? Я не могла видеть мать в таком состоянии, это выбивало меня из колеи и заставляло бояться Егора еще больше.

Как он умело пудрит матери мозги, как профессионально делает ее виноватой во всей этой ситуации. Он крутит ею, как хочет, а она позволяет собой крутить, как самая настоящая слабачка. Это не она сейчас находится на распутье, это я нахожусь в полном дерьме, которым измазалась стараниями Егора.

– Я не знаю уже, чему верить. Лада, я так запуталась. Наверное, тебе и вправду лучше уехать.

Я облегченно вздохнула, значит, я все-таки еду.

– Пойду собирать вещи, – сказала я, вставая со стула, – А ты перестань, пожалуйста, ныть из-за своего мужика. Ты сама его выбрала, поэтому смиришься. Я тоже не просила тебя ни рожать себя, ни, тем более, приводить в дом этого амбала, который устанавливает здесь свои правила.

– Не говори так о нем! – всхлипнула мать, но мое чувство жалости к ней уже испарилось.

Я прошла мимо Егора и зашла в спальню. Достала из шкафа свою дорожную сумку и принялась складывать вещи. Услышала позади себя шорох, а потом обернулась и чуть не заорала от неожиданности: на входе, облокотившись о косяк, стоял Егор, с голым торсом и банкой пива в руке.

– Добилась своего, первоклашка? – в его голосе слышалась злая усмешка. – Ну ничего, мы с тобой еще перетрем эту тему.

– Я не буду с тобой ничего перетирать, – ответила я, продолжив складывать вещи в сумку, – А слезы матери тебе еще отольются!

– Ой, как страшно, – он приблизился ко мне сзади и толкнул меня своим пахом в ягодицы. Я, не ожидавшая такого его поступка, резко наклонилась и полетела на кровать, параллельно думая о том, как много в нем силы. А ума совсем нет, к сожалению.

Я поднялась с кровати, но не обернулась к нему. Мое лицо залилось краской, а внутри все переворачивалось от гнева и желания развернуться и ударить отчима по лицу чем-нибудь тяжелым. Например, своим феном, который я складывала в сумку.

Наверное, Егор ждал от меня какого-то ответа или реакции, но я делала вид, что не замечаю его. Видимо, его это начало злить, потому что следующим его шагом был щипок меня за мягкое место, причем довольно болезненный и заставивший с силой сдерживать крик. Я дотронулась до горящего зада, но снова никак не отреагировала на его знак внимания.

Я слышала из своей комнаты, что мама находится в душе, и в ближайшие десять-пятнадцать минут Егор был уверен в свободе своих действий. Он толкнул меня на кровать, а потом

схватил мою сумку и вытряхнул все, что я в нее складывала на меня. Потом навалился сверху, дыша на меня пивными парами. Я смотрела в его глаза, которые налились похотью, а потом почувствовала упершийся в меня мужской орган. Он снова хотел меня, и его уже даже не останавливало присутствие матери в доме.

– Строишь из себя важную персону? – спросил он, посасывая мое ухо. – Я быстро из тебя всю важность вытолкаю. Сказать, каким местом я буду это делать?

И он сильнее вдавил свой твердый пах в мое бедро.

– Тем местом, которым ты думаешь, – пробормотала я, понимая, что у меня спирает дыхание от тяжести, лежавшей на мне.

Егор показал мне свои зубы, как будто был зверем, который угрожал своей жертве немедленной расправой. Потом его лицо приблизилось к моему, и я, закрыв глаза, почувствовала на губах его мерзкие губы, от которых несло пивом. Он посасывал их, пытаясь раздвинуть и скользнуть внутрь моего рта языком, но я стиснула зубы, не давая ему такой возможности.

Я ерзала под ним, пытаясь освободиться от его железных объятий, но все было глупо и бесполезно. Он пригвоздил меня к кровати своим весом, а сам все сильнее вдавливал в меня свой стоящий член.

В ванной послышался шум, струя воды смолкла, и я увидела, как в глазах Егора мелькнула паника. Он мигом слез с меня, схватил свою банку и показал на меня указательным пальцем:

– Ты еще поплатишься за свой базар, детка. Я тебя так отработаю, что ты неделю на раскоряку ходить будешь.

Он ухмыльнулся, а я демонстративно вытерла губы от его слюны и с ненавистью посмотрела на отчима. Егор вышел из моей комнаты, закрыв за собой дверь, а я принялась снова впихивать в сумку свои вещи.

Весь вечер я слушала, как за стеной Егор занимается сексом с моей матерью. Стоял грохот от двигавшейся ходункой кровати, и я слышала стоны.

Это было ужасно. Каждый шорох напоминал мне о том, что это животное сотворило со мной. А также я ощущала сильную вину перед мамой, что не могла ей признаться. Меня судьба загнала в такую гнилую яму, что я теперь уже не понимала, смогу ли выбраться.

Моя несчастная мать даже не подозревала ни о чем, жила в неведении... Она всегда была наивной. Видимо останется такой до могилы.

Мне никак не удавалось понять, неужели, он ей не противен? Бедная женщина, как ей может нравиться то, что этот амбал делает с ней? Этот омерзительный тип засовывает в нее свой инструмент, а она при этом стонет от удовольствия!

При воспоминании о том, как Егор насиловал меня, мурашки пробежали по моему телу, а глаза машинально зажмурились от страха того, что когда-нибудь это снова повторится.

Сейчас Егор своим поведением напоминал мне шакала, который ходил и принюхивался к воздуху в ожидании того, когда его жертва окажется в самом выгодном для него положении. А потом он внезапно нападет на жертву, то есть на меня.

Я снова почувствовала дрожь во всем теле, и какую-то тянущую боль, которую невозможно было унять. Звуки за стеной прекратились, а я продолжала прислушиваться, сама не знаю, почему.

Происшествие в ванной

Уснула я каким-то поверхностным, неполноценным сном, в котором убегала от кого-то, постоянно ощущая, что бегу слишком медленно, периодически падаю, а меня пытаются ухватить за ноги чьи-то руки. Проснувшись, я долго сидела на кровати и смотрела в окно: этот сон напомнил мне реальную жизнь, в которой Егор только и ждет моего падения, чтобы схватить меня и утащить в свое логово.

В комнату ко мне вошла мама и посмотрела на меня:

– Лада, в два часа у тебя автобус. Я не смогу тебя проводить, потому что у меня на работе аврал. Егор поможет донести тебе сумку.

Егор! Я хотела закричать в лицо матери «Нет!», но словно онемела. Он будет провожать меня, он точно захочет этим воспользоваться.

Как только мать с Егором ушли на работу, я принялась быстро собираться, чтобы слинять к Лильке, а на вокзал поехать уже от нее. Я собиралась как можно быстрее, но все равно не успела. Прошло всего полчаса, как мать с отчимом ушли на работу, и вдруг я услышала в дверном замке шорох.

В это время я была в ванной, и как только услышала этот специфический звук, то сразу поняла, что вернулся Егор. Это были его громкие и уверенные шаги. Он постучал в дверь ванной:

– Детка, ты там?

Я молчала, чувствуя, как струи горячей воды продолжают стучать по моей спине. Несмотря на то, что вода была горячей, я почувствовала озноб.

– Не молчи, – снова его голос и шорох за дверью. Он пытался открыть дверь, но я заперла ее изнутри, – Милая,пусти меня к себе, давай я намылю тебе спинку, потом попку, я буду нежным.

Я помотала головой, как будто Егор мог видеть мой протест. Я не могла произнести ни слова, настолько сильно меня сковал ужас от мысли о том, что меня ждет.

– Лада, родная,пусти меня, я замерз. Я хочу погреться с тобой под горячей водичкой. Слышишь стук? Угадай, чем я стучу в дверь?

Я с ужасом прижала ко рту руку. Он не отступится, и чем больше я буду сопротивляться, тем дольше продлится моя попытка. Но я не двигалась с места, будто приросла ко дну ванны.

Услышала шаги за дверью и поняла, что отчим пошел в кухню. Именно там, в шкафчике со столовыми приборами, лежали ключи от всех комнат. И там же лежал ключ от ванной на случай, если вдруг кто-то случайно закроет дверь, оставшись снаружи.

Я смотрела на дверь, словно парализованная. Увидела, как поворачивается ручка, и все внутри меня опустилось. Обхватила себя руками, медленно закрывая шторку, как будто она могла бы меня спасти от этого ублюдка.

Он вошел в ванную и резко отодвинул шторку. Я стояла перед ним обнаженная и испуганная, мне кажется, что я никогда не испытывала такого ужаса. Лицо Егора было торжествующим, он протянул ко мне руку и погладил по обнаженному бедру.

– Горячая... Какая же ты горячая, девочка моя!

Он сдернул с себя джинсы вместе с трусами, потом сорвал футболку, а через секунду стоял позади меня в ванне, прижимаясь ко мне всем своим огромным телом.

Сначала руки Егора медленно скользили по моим ногам, затем, его шершавые ладони поднялись выше. Отчим ощупывал все мое тело, словно исследуя его. Он задерживался на моей груди, а потом сполз ниже к животу. Далее его рука юркнула у меня между ног, и мужчина крепко вдавил мое тело в свое, так, что я ощутила твердый прибор, плотно прислонившийся к моему бедру.

Его пальцы вползли внутрь меня и принялись ласкать меня между ног, но я не чувствовала ничего, кроме пронзительного страха, который окутывал меня с головы до ног.

Егор медленно развернул меня к себе, а потом подхватил на руки и, раздвинув ноги, быстро вошел в меня. Я вздрогнула, снова ощутив боль, которая как лезвие ножа полоснула меня ниже живота.

Его глаза уставились в мои, и я видела в них радость от того, что он делает. Глупая улыбка растянула его губы, а между зубами я видела кончик его языка.

Резкими толчками он входил в меня, а я висела в его руках как игрушка, ловя горячие струи воды телом и умирая от ужаса. Мы оба были мокрыми, но я уже не чувствовала ни жара, ни холода, как будто и в самом деле превратилась в куклу.

Егор вдавливал меня в кафельную стену, сильнее раздвигая мои ноги и погружаясь все глубже и все резче. Если он думал, что я получаю удовольствие от процесса, то он заблуждался. Мне было больно, противно и жутко стыдно за то, что со мной делает человек, которого я должна была называть отцом.

Потом он резко отпустил меня, и я едва не разбилась в ванне. Из его члена брызнула сперма, которая смешалась с водой, а огромное тело еще долго подрагивало от конвульсий. Егор кончил, теперь он просто стоял напротив меня, держа за плечи и сверля взглядом.

– Тебе понравилось? – спросил он, а я смотрела на его уменьшающийся в размерах орган, который вчера доводил до оргазмов мою мать. Вчера он был в ней, сегодня – во мне, и все это казалось мне таким омерзительным и гадким.

– Нет, – ответила я, – Мне не нравишься ты, мне не нравится все, что ты делаешь. Ты отвратительный человек, и я ненавижу тебя!

Егор встряхнул меня за плечи с такой силой, что мне показалось, от этой встряски у меня отлетит голова.

– Ну ты и тварь! – сказал он. – Ты должна кончать!

– Я тебе ничего не должна! Потому что ненавижу тебя, ты просто гад!

Он снова встряхнул меня и ударил спиной о стену. Мне было больно, но я не собиралась отказываться от своих слов. Потом его рука сдавила мою шею, а губы прижались к моим губам, снова пытаясь пролезть языком внутрь моего рта.

Я сжала зубы, но рука Егора с шеи переместилась на мои щеки, с силой надавливая на них и заставляя мой рот открыться. Стоило его языку попасть внутрь, он, словно змея, прополз по всему моему рту, уперся в горло, и тут же вступил в схватку с моим языком.

В этот момент мне даже показалось, что его язык способен удлиняться, как у ящерицы, и тогда он протолкнет его прямо в мой пищевод. От этих мыслей сразу же последовал приступ тошноты. Я пыталась оттолкнуть Егора, но мне не хватало сил. Он душил меня своим поцелуем, и я начала активно вдыхать носом, чтобы не задохнуться, но вода попадала в ноздри, мешая мне полноценно дышать.

Я поняла, что вот-вот задохнусь от давления его тела, от того, что рот был занят, а нос заполнялся водой. Я фыркала ноздрями и дергалась от страха, но сильные мужские руки стискивали меня, оставляя на теле болезненные отпечатки.

Наконец, он ослабил хватку, видимо, потеряв ко мне интерес. Снова резко рванув штормку, он вылез из ванной и снял с крючка большое полотенце. Больше Егор на меня не смотрел, он молча вышел из ванной и закрыл за собой дверь.

Я стояла в ванне, тяжело дыша и чувствуя по всему телу отпечатки его прикосновений. Я еще несколько минут стояла под горячим душем, а потом тоже вылезла из ванны. Посмотрела на себя в зеркало, увидев там бледное, почти бескровное лицо, перекошенное от страха. Это будто бы была не я, а другой человек, который смотрел на свое отражение в запотевшем зеркале.

Завернулась в махровый халат, а потом почувствовала, что ко мне снова возвращается дрожь. Мои зубы стучали, я тряслась, ощущая холод, а потом пробежала в свою комнату и залезла под одеяло. Я боялась, что Егор зайдет ко мне и снова захочет повторить то, что он делал со мной в ванной, а до этого здесь, в моей комнате, но отчим больше не появился.

Придя в себя, я переоделась и взяла сумку в руки. На часах была половина второго, мне нужно было ехать на вокзал.

Выйдя из комнаты, я увидела сидевшего на диване Егора. Он был уже одет и выжидательно смотрел на меня.

– Я тебя отвезу.

– Я сама доберусь, тут идти десять минут.

– Я сказал! – и его голос не принимал никаких попыток поспорить с ним.

Взяв из моей руки сумку, он прошел в прихожую, обулся, а потом долго наблюдал за тем, как я дрожащими руками зашнуровываю свои кроссовки.

– Ты все равно ненадолго, – зачем-то сказал он.

– Я уезжаю до сентября, даже не надеюсь, что я вернусь раньше, – ответила я, заканчивая шнуровать обувь.

– Я сказал, что ты едешь ненадолго, – настойчиво повторил он, и я промолчала.

Мы доехали до вокзала на такси, это заняло около двух минут, ради которых не следовало брать машину.

Я подошла к своему автобусу и протянула руку Егору, чтобы забрать сумку. Он сверлил меня глазами, как будто пытался запомнить меня. Нехотя он отдал мне сумку, задержавшись своей рукой на моей.

– Мы с мамой будем ждать тебя, – сказал он таким голосом, как будто имел в виду что-то совершенно иное, а не то, что произнес вслух.

У меня скрутило желудок и снова подступила тошнота, но я ничего не ответила, с облегчением входя в автобус и протягивая водителю билет.

Автобус стоял еще около пятнадцати минут, и все это время Егор стоял у моего окна и смотрел на меня. Я делала вид, что не вижу его, задергивала шторку, но он все равно продолжал стоять возле автобуса, как побитая собака, которая ждала, что ей кинут кость.

Случайная встреча

Когда автобус тронулся, я облегченно выдохнула. Уже через пятнадцать минут, когда я ехала в город, а впереди были два часа пути, я расслабленно сидела в кресле и смотрела в окно. Я была настолько рада, что уезжаю из дома, что это, пожалуй, можно было сравнить с радостью заключенного, которого выпустили на свободу.

А еще я думала о том, что я совершенно не хочу возвращаться домой, где все мне будет напоминать о том, что со мной делал Егор. Каждая деталь, каждая комната, каждый предмет – все будет напоминать мне о боли, унижении и отвращении.

Как я ненавидела себя. Я смотрела на свои руки, ноги, на свою грудь, которые он лапал своими ручищами, стараясь доставить мне как можно больше боли и унижения. Егор хотел владеть мной также, как и моей матерью, возможно, даже больше, потому что я сопротивлялась, а это еще больше заводило его и заставляло стремиться к тому, чтобы овладевать мной все чаще, оставляя на моем теле все больше своих отпечатков.

Когда автобус въехал в город, я уже почти забыла обо все, что произошло сегодня утром, я не хотела думать об этом. Достав телефон из кармана, я собиралась позвонить бабушке и предупредить, что подъезжаю к вокзалу, но тут же увидела несколько сообщений от Егора.

На первом я увидела свое фото, а потом длинный текст от своего отчима: «Я буду ждать тебя, смотреть на твою фотографию и кончать на нее. Каждый раз, когда я буду кончать, я буду делать это на твое изображение. На нем ты улыбаешься, а скоро ты будешь точно также улыбаться, когда я буду заливать тебе в рот свою сперму».

Я выключила экран примерно на половине текста, потому что мне стало дурно от того, что я прочла. Мерзко, отвратительно, невыносимо. Я только начала приходить в себя, а тут такая пошлятина. Я удалила все его сообщения, а потом поставила его имя в «черный список».

Больше эта сволочь мне не напишет и не позвонит. Я убрала телефон, когда автобус уже заезжал на вокзал. Я увидела бабулю, которая радостно махала мне руками, и ощутила прилив радости и сладкого предвкушения от предстоящих каникул вдали от мрази, по имени Егор.

Только когда я вечером легла в кровать, находясь уже у бабушки дома, я ощутила себя спокойно и умиротворенно. Поговорив перед сном с матерью и услышав на заднем фоне голос Егора, я поняла, что он остался далеко от меня, а значит, я была в безопасности от него.

Первые дни у бабушки я просто валялась в кровати, читала книжки и смотрела телевизор. Мне было так хорошо, что я постепенно начала вылезать из той моральной дыры, в которой я оказалась по вине своего отчима.

– Что-то ты есть много стала, – однажды подметила бабушка, и я вдруг насторожилась.

– Ну, так я же на каникулах, – пролепетала я, судорожно перебирая в памяти даты, перемешавшиеся в голове.

Когда бабушка ушла, я сразу схватила в руки телефон. В нем, сколько я себя помнила, я всегда вела график своих месячных, а в последние недели совершенно забыла про него, как и про сами месячные, которые уже давно должны были начаться.

Я с ужасом смотрела на табличку и понимала, что задержка у меня перевалила за неделю. Внутри все скукожилось от ужаса, и холодный пот проступил на лбу. Мысли упорно лезли в голову, но я их всячески отгоняла. Только не ЭТО! Да этого просто не могло быть! Иначе я просто сойду с ума! Я не могла поверить в то, что ношу ребенка этого монстра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.